

В сумерках за рекой на болоте кричит одинокий журавль. Зовёт журавушку с хлебных полей. И крик этот тревожный одинокого журавля слышен всем псекам, расположенным вдоль соснового бора над Каном. Пасека Таптуна поднята высоко над долиной реки. Разноцветные ульи, укрепленные на высоких подставках, выставлены рядами на чистой от травы кулижке, открытой солнцу. Вольное глазу дикое поле из трав и полевых цветов долгим и крутым склоном стелется вниз до самого обрыва с террасы к Кану, где внизу чистые луга и берёзовые леса, где ольха и лоза, черёмуха раскидистая густо заступают подход к реке. Место это зовётся Кузины лужки. Жил тут когда-то известный своей нелюдимостью Кузя. Стояла в этих местах колхозная пасека. Теперь пустошь на месте дома и яма омшаника с остатками обгоревших брёвен и досок от строения, да сосна вековая сохранилась. Чуть поодаль грузная белым становищем одинокая берёза, ровесница этой сосне. Каждое лето пустошь прорастает таёжными цветами и травами. Иван-чай вымахал в рост человека; семейно обозначил себя осот. Будто кляксы от школьных чернил, то там, то здесь бросаются в глаза пушистые фиолетовые цветы пахучего мёдом осота, оттого и манит он к себе мохнатого шмеля и пчёл. Дикое поле богато разнотравьем. Тут тебе и душица рядом с душистым клевером, и жёлтый донник поднял голову на рослых стеблях. Над полем высится высохший в стебле и листом конский щавель. Подорожник вездесущий то тут, то там широкими с прошвой листьями и рослым стебельком зовёт к себе. Кровохлёбка на долгих стеблях без листьев венчается шишечкой, похожей цветом на запёкшуюся кровь, оттого и зовётся так, что кровь от неё густеет, полезная при болезнях

лейкемией. Тысячелистник — этот везде беленькими зонтиками из махоньких цветочков, трава хорошо снимает токсикоз с похмелья.

В завершение зрелого лета дикие травы уже сорят семенем, кипрей и осот пушатся, и разносятся ветром их семена. Пора сенокоса — за Ильиным днём, 2 августа, на Глеба и Бориса по крестьянскому календарю. Таёжные медоносы хорошие, донник в полях уже скошен. Розовеет махонькими капельками душица, золотится на солнце ковыль. Дни стоят чистые от облаков, бездонное голубое небо — от края и до края; воздух горячий от высокого солнца. Ветерка почти нет, оттого хвойная прохлада бора и запахи полевых цветов кажутся хмельными и зримыми, хоть черпай этот воздушный мёд горстями и прихлёбывай его с ладони губами, как волшебную родниковую воду.

К западу от пасеки пустошь уходит в низину лога, который имеет начало в сосновом бору. На пологих склонах лога то там, то здесь разбежались ещё в молодости друг от дружки и доживают свой век неохватные становищем, раскидистые ветвями и кронами старые берёзы. Берёзовые леса стоят и за рекой, стоят строгими рядами, между сенокосные луга. В вечернем солнце их белые стволы особенно контрастно подчёркивают эту рукотворную парадность «снегозащиты» берёзовых лесов. С десятков копён сена хозяин сенокоса уже поставил. Ложбина лога от Кузиных лужков, от бора к реке ширится и углубляется в урочище, густые травы и бурелом делают лог непроходимым. Северная сторона пасеки отрезана глубоким распадком, заросшим по дну урочищем, по склону которого пробита машинами дорога до Кана.

Сегодня в полдень Таптун поехал с пасеки в город заправлять бензином «Ниву», забрал и меня на природу. Каждый год так бывает на 9 Мая. Справляем с Таптуном День Победы. Ставлю на пасеке палатку рядом с жилым вагончиком, сплю на свежем воздухе в спальном мешке. Ныне не получилось выехать в мае. Сегодня палатку не взял, спальный мешок и пластмассовое ведро под грибы. Таптун пристроил к вагончику летнюю кухню, где удобно и ночевать. Пристройка обтянута москитной сеткой, потолки накрыты целлофановой плёнкой, поставлена армейская кровать с ватным матрасом, который прикрыт для красоты светло-ореховым покрывалом.

В центре крытого летника стол, железные тяжёлые стулья с фанерной спинкой и седушкой. От соснового бора веет прохладой в летней кухне. Таптун на улице, у мангала, варит борщ на свиных рёбрышках, которые купил утром в городе. Обычно шашлыки жарим, сегодня решили обойтись борщом. Берёзовые сухие полешки в мангале горят весело, обнимая высоким

языкастым огнём чугунный казан с мясом, вода вот-вот за-булькает. Дым от огня тянется редкой куделью, растворяясь над пасекой в голубеющую прозрачную дымку. Таптун складывает в казан очищенную и нарезанную картошку, свёклу, мелко резанную морковь, квашеную капусту.

Я сижу под столетней сосной в тени, наблюдаю за жизнью на пасеке. Наслаждаюсь таёжными светлыми далями, что за широкой гладью Кана, далеко в долине. Там букашкой крутится по скошенному лугу колёсный трактор с копнителем на подвеске. У вагончика Володи Лебедева монотонно стучит немецкий оранжевый движок, работает на бензине, выдаёт электроэнергию для медогонки с электроприводом. Петрович качает мёд. Мужик он флотский, поэтому и зовём мы его Адмиралом.

Одиноким хутором ныне не принято стоять рядом с медоносами. Многолетняя дружба объединяет мужиков в артель, ставят пасеки рядом, по два-три хозяина. Балаганюк и Володя Лебедев — из села Бражное, как и сам Таптун. Из года в год стоят вместе. Старик Мавлютов прибил к ним из деревеньки Анцирь, что за Канском, на правобережье. Давным-давно работал Мавлютов начальником газозаправочной станции. Таптун в советские годы был директором «Агроэнерго» Канского района. Бывшие директора предприятий, добрые знакомцы четверть века. Поэтому старик Мавлютов не случайно прибил к бражинским мужикам.

Мавлютов для своих семидесяти годов подвижный, как ртуть. Лёгкий на ногу. Одет Мавлютов в спортивный костюм золотистого цвета. Издали он и не похож на старика, в просторных резиновых ботах на ногах. Острижен старик Мавлютов коротко, лицом чёрен от загара и внешностью смахивает на грека. Ни минуты не сидит: то полешки колет, то стол прибирает на летней кухне, то чай с душицей готовит. Чаю мы выпиваем много на пасеке, вприкуску с мёдом. Пока суть да дело, на столе закуска появилась: свежие огурцы, копчёное сало. Рыбу и сало коптит старик Мавлютов, он коптилку соорудил в низине между вагончиками и бором. Костры ныне не разводят на пасеках, сушь стоит два месяца, таёжные пожары, рождённые молниями и сухими грозами, возникали и возникают повсеместно в Красноярском крае.

Времена лихие хоть и миновали, но власть, как воздух, стала невидимой, прячется от народа. Рядом с домом, где я живу в Канске, полицейский участок ночью постоянно замкнут и безлюден. А в судах правды не ищи — не найдёшь, нет её там. Не влияет и прокурор на общественную жизнь: беспредел творят «бизнесмены», владельцы пилорам завалили окрестности Канска отходами лесопиления. А ныне и вовсе беда пришла:

конкуренты подожгли пилораму, владельцем которой был гражданин Китая. Лесопиление велось в посёлке Строителей, от поджога и пожара сгорел полностью весь пригород из семидесяти домов с надворными постройками. Ураганный ветер с огнём всё смёл. Без крова над головой остались сотни людей.

Жизнь течёт по старинке: «С богатым — не судись; с сильным — не борись». Город ночью будто вымирает, ни песен тебе в праздники, ни многолюдья на площадях. Поредел и покупатель на городских базарах и рынках; дорогой непомерно стала жизнь в России, обеднел народ. Сибирь никогда не ходила в лаптях. Не знала вольная Сибирь и крепостного права. Ныне, при «диком» олигархическом капитализме, работающий люд хуже рабов у «хозяев». Полное бесправие, бесстыдство «хозяев» при расчётах с работниками, часто владельцы предприятий не отдадут месяцами людям заработанные ими деньги.

Душа не принимает современную жизнь. Маётся душа, изнывает от безысходности в рабстве нищих пенсионных «доходов». Многие годы рвётся душа в Магадан, блазнится душе проехаться в кабине «Урала» пыльной гравийной Колымской трассой до посёлка Усть-Нера на Индигирке, где прожиты молодость и зрелые годы. Ах, как желается провести короткое лето, северное жаркое лето на вольных речках, впадающих хрустальными водами в Индигирку: рыбачить на этих речках, жить в таёжном зимовье, спать на бревенчатых нарах, ставить бражку — гнать самогон в тайге, шугать зайцев и сохатых, которых в Якутии — как таксистов. И, уже в сумерках белой ночи, топить в зимовье жестяную печку; сладко спать в тепле таёжной избушки; сладко вдыхать запахи сухих смолистых брёвен; сладко наслаждаться отдыхом и влажной прохладой земляного пола человеческого жилья.

Борщ сварен, снят и поставлен рядом на холодный мангал, который стоит тут же, накрыт решёткой и служит для сковородок, кастрюль и посуды. Солнце ещё высоко. Володя Лебедев вынимает из верхних корпусов на ульях медовые рамки для откачки из них зрелого мёда, на освободившиеся места ставит в корпуса сушь — пустые в рамках соты, которые пчёлы заполнят товарным мёдом. Лебедев громко кричит издали, зовёт от своих ульев старика Мавлютова:

— Александрыч! Ты матку хотел поменять. Иди, дам матку в клеточке — вышла из маточника.

Для непосвящённого не понять, о чём толкует Володя Лебедев старику Мавлютову.

У Мавлютова одна пчелиная семья с весны дурит. Матка оказалась трутневой: весь сев — трутневый. Чтобы не погибла пчелиная семья без расплода пчёл, Мавлютов изымал рамки с однодневным посевом из других ульев и подставлял в эту семью. Пчёлы трудились, заливали молоком, запечатывали ячейки воском. Таким образом поддерживался расплод семьи при трутневой матке. Менять «трутневку» надо было, конечно, раньше, но всё как-то полноценной пчелиной матки не было для подсадки в улей. Так случается, когда пчелиная матка не оплодотворяется с трутнями при облёте, могла матка и не выйти из улья на облёт из-за случайного увечья, нанесённого пасечником при осмотре пчёл. Трутни в улье живут недолго, нужны они для спаривания с пчелиными матками, происходит это при облёте пчёл и весной, и когда роятся. После чего пчёлы выгоняют трутней из улья, кормить их никто не станет, поэтому трутни массово погибают.

Мавлютов принёс сеточную клеточку с пчелиной маткой в летнюю кухню, где на столе — пластиковая баночка с мёдом, прикрытая крышкой от вороватых пчёл. Пчелиной матке необходима еда в клеточке на то время, пока другая пчелиная семья не привыкнет к её запаху и пчелы не начнут кормить матку в клеточке. Концом ножа старик Мавлютов, капля за каплей, наполнил мёдом кормушку в клеточке с маткой. После чего прошёл к своим ульям, которые близко расставлены напротив его жилого вагончика. Снял с крайнего улья крышку, отвернул уголок полочка из белой бязи, втиснул клеточку с маткой в промежность медовых рамок. Дней через пять станет ясно, приняли пчёлы или нет матку в клеточке. Если приняли, клеточка будет обсижена плотно пчёлами, кормящими матку. Можно матку выпускать. Но для этого необходимо пасечнику найти и уничтожить трутовку. Иначе она убьёт матку, если сам пасечник не выловит трутовку, что сделать непросто. Непросто, но можно.

Отдыхаю душой на пасеке. И трёх жизней не хватит наглядеться на окружающий мир. Места дивные. Далеко внизу блестит стеклом протока Рахманиха. Таптун и старик Мавлютов там рыбачат, ставят сети, шумят вёслами по воде, гоняют рыбу в сетку. На уху всегда ведро рыбы наловят — щук и окуней, не переводится в протоке и плотва с ладонь, ленок и хариус, бывает, залетят в сеть. И невольно вспоминается своя середка жизни.

В далёком теперь 1983 году сплавлился я в августе на байдарке по Индигирке. Выше посёлка Дружины — это километров восемьдесят по реке — ежегодно рыбачат якуты и эвенки бригадами. В завершение светлого времени причалил к песчаному острову,

заросшему чозенией — северной ивой, стояла там поодаль от берега и шестиместная брезентовая палатка. «Казанка» далеко вывлочена носом на прибрежный песок. Пара деревянных ящиков от консервов поставлены на попа у притухшего костра, дымок сизый вьётся редкой куделькой из подёрнутых белым пеплом угольков. Одинокий старик сгорбился, сидит на ящике, сложив крупные смутлые руки на колени, одет в телогрейку и ватные штаны, на ногах резиновые боты. Рядом с кострищем полное ведро ухи из омуля. Не говорит на русском старик, но речь мою понимает. К ночи приплыл к старику на «Крыме» его сын Димка из Белой Горы, за рыбой приплыл. Димка попросил меня помочь старику, работая на вёслах, пока он проверять будет сети. Звался старик Лукой Соломой. Сын его не стал ночевать, загрузил лодку рыбой в мешках и ушёл в ночь по тёмной реке вниз, на Белую Гору. Утром поплыли с Лукой на моторе вверх по реке к сетям. Добывал Лука омуля для рыбозавода; чебака крупного, с ладонь взрослого мужика, торчало в сетях очень много, старик его выкидывал, как сорную рыбу; попросил я чебака для себя, раз такое дело, он согласно кивнул. Сняли мы в то утро и две нельмы — до восемнадцати кило каждая. Жил я на острове у старика Луки неделю. Сын его приплывал за рыбой каждые сутки, стал просить меня остаться и рыбачить со стариком, шибко я деду понравился понятливостью, рыбацкой умелостью и смекалкой. Но у меня была мечта — дойди до бара Индигирки. Август уже стряхивал жёлтую хвою с северных лиственниц. Сусальной фольгой звенели на ветру уже и листья ольхи и чозении. Я спешил сплавиться на байдарке до Белой Горы. В Белой Горе — речной флот Индигирского пароходства. До бара на байдарке не дойдёшь, а на сухогрузе «Сибирский» класса «река-море» добраться до бара Индигирки можно, где древнее русское поселение Русское Устье. Двести чебаков я присолил, и они вялились на жердях рядом с юколой из омуля, которая жирно ершилась шкурой от ножевых разрезов на дольки. Лука заготавливал юколу в большом количестве, вялилась юкола неделями на открытом ветру на жердях, которые он высоко расположил на подпорках вдоль песчаной косы острова. Жил я у Луки на острове неделю, ломал голову, как вяленого чебака сбересть у Димки Соломы в Белой Горе — до возвращения в Усть-Неру. В один из дней подсел на косу острова и Ми-8 из Усть-Неры. Геологи Верхне-Индигирской экспедиции работали и в районе Белой Горы, возвращались от них вертолётчики домой, подсели за рыбой. Бежит в лётной рубашонке на холодном ветру знакомый авиамеханик Володя Воробьёв, в кабине — при галстукке и в наушниках — командиром Валера Зедгенизов; радостно смеётся, приветливо машет рукой; отдал пилотам всего вяленого

чебака. В октябре возвращался из Чокурдаха грузовыми вертолётами через Мому в Усть-Неру. Местные рыбаки в Чокурдахе подарили мне «рыбу» — так зовут уважительно нельму в низовьях северных рек. Стояли уже холода, пришлось распилить рыбу ножовкой на куски и упаковать в мешок. И была отличная строганина из нельмы и омуля на моё тридцатилетие и к новогоднему столу.

Жилой вагончик старика Мавлютова — в десяти шагах от вагончика Таптуна. В промежутке между ними два мангала, тут же аккуратно уложены в поленницу короткие берёзовые и осиновые полешки, поверх укрытые от дождя берестой. Рядом в бору редкий сухостой, пилят сухие деревья бензопилой. Дрова требуются для огня — варить пищу на мангале, для истопки печей в вагончиках в сырую осеннюю погоду. Таптун вывозит ульи к себе на усадьбу в село Бражное в сентябре, после того как выкопана картошка и в огороде есть место для ульев до поставки их в омшаник и где можно на огороде оставить вагончик на зимовку.

Учил пчеловодству Валерия Семёновича Таптуна дядя Ваня Плющиков из села Новотроицкое. Был тогда дядя Ваня в таких же годах, как ныне старик Мавлютов, но отвоевавший с фашистами всю войну. Сибиряк, сержант-артиллерист Иван Ефимович Плющиков воевал отчаянно; три ордена Славы, медали за храбрость и мужество — награды достойные солдату. Вернулся он слепой на левый глаз от ранения. Крупный в кости и грузный к старости, дядя Ваня куда старше семидесяти лет тогда смотрелся. После войны дядя Ваня работал до самой пенсии в Канском лесхозе. Кордон, где жил лесник аккуратно посередке прошлого века, был расположен в Копай-горе, неподалёку от речки Аманашки. Добрый дом, омшаник для пчёл, надворные постройки в связке. Удобное и прелестное для жизни жилое место в тайге, на кордоне, дядя Ваня Плющиков построил своими руками. В те далёкие теперь уже годы дорога из Канска до деревни Тарай была не гравийной. В дождливую погоду ЗИСы и полуторки едва выползали из лога по грязи, копать приходилось под колёсами, сыпать песок, поэтому так и прозвали шофёры это гиблое место — Копай-горой. Тракт до деревни Тарай пробит в 1812 году осуждёнными за разные провинности солдатами царской армии и пленными французами после войны с Наполеоном. Тарай строился военным поселением, таким он и был долгое время: с казачьими урядниками, с осуждёнными солдатами на поселении. В наше время от Тарая гравийный тракт возвращается по кольцу асфальтом на главную дорогу от села Нижний Амонаш.

К лихим девяностым от кордона лесника в Копай-горе осталась едва заметная пустошь. Пчёл дядя Ваня по-прежнему

держал и с конца апреля до первого снега жил рядом с ульями на летних пасеках. «Агроэнерго» работало со всеми сельхозпредприятиями в Канском районе. Таптун, будучи директором, знал всех руководителей. Не сидел он в кабинете, ездил с электриками-монтажниками, которые делали проводку электричества в новые фермы и коровники. Нередко сгорали в хозяйствах электродвигатели на насосах, приходилось снимать эти двигатели — ставить на их место рабочие, а сгоревшие электродвигатели увозились в цеха «Агроэнерго» на перемотку. Июльским горячим днём и свернул Таптун с гравийного большака на просёлок, ведущий на летнюю пасеку, к дяде Ване Плющикову. Дядя Ваня качал мёд, только закончил, пил чай с медуницей в своём «скворечнике», так он звал строение в виде сторожевой солдатской будки для часового, под крышей которого короткий стол, две лавки на человека с каждой стороны. Таптуна он принял приветливо.

Шибко понравилось Таптуну хозяйство дяди Вани в Копай-горе. Пасека поставлена высоко на краю лога с западной стороны, у кромки соснового бора. На солнышке. Рядом околок из десятка берёз, под которыми Таптун рассмотрел ольховые плетни из речной лозы. В закутках, разделённых между собой всё теми же плетнями из лозы, хрюкал кабанчик, рядом тянула к человеку свой мокрый нос пегая пятнистая тёлочка. Ещё дальше паслась на длинной верёвке стреноженная гнедая кобыла; в отдельном закутке клевали зерно куры-несушки. В тени раскидистых старых берёз стоял и трактор «Беларусь», рядом двухосная тележка — площадка для перевозки ульев. А в поле перед пасекой — огород, с огурцами на земле, грядки с луком и чесноком, росли здесь и редиска, и укроп. Тут же и капуста, уже набравшая силу, кочанов пятьдесят в рядах. Цистерна с водой четыре куба. У дяди Вани есть родной младший брат, племянник в городе, на выходные приезжают на своём «Москвиче», помогают старику. Всю неделю он смотрит один за пасекой.

Под высокой ветвистой берёзой дядя Ваня поставил в тень жилой вагончик. В распахнутый дверной проём видны ульи. В вагончике прохладно, в жаркие полуденные часы приляжет дядя Ваня на топчан и наблюдает одним глазом за пчёлами. Кипрейное поле раскинулось на шестнадцати гектарах между гравийным трактом и до самой речки Амонашки внизу лога. За логом на буграх в совхозных полях дышит в такое время медовым духом золотистый донник, который со дня на день должны скосить. Зрелое лето. Управляющий совхозным отделением «Степняки» всегда предупреждал дядю Ваню, когда начнут косить донник. Чтобы пчёлы не погибли в мотовиле комбайнов во

время косьбы донника, дядя Ваня ещё вечером в темноте закрывает летки ульев. Держит утром пчёл взаперти, пока комбайны не скосят донник и не уйдут с поля. После этого летки открывались, и воздух над пасекой наполнялся роем гудящих пчёл.

«А ты купи у меня пару колодок с семьями. Будешь приезжать на выходные, научу работать с пчёлами, разведёшь пасеку», — предложил дядя Ваня.

Таптун давно подумывал о дальнейшей жизни «при капитализме». Совхозы на грани развала, работать становится не с кем, приходится сокращать рабочих. Деньги имелись, принял решение Таптун, купил он у дяди Вани не две семьи, а десять ульев с крепкими семьями пчёл. И повелась у Таптуна пасека. На своей усадьбе в селе Таптун построил омшаник. Предприятие «Агроэнерго» не закрывал до последнего вздоха, за пчёлами смотрел дядя Ваня, на выходные на пасеку приезжал Таптун. Зимой дядя Ваня жил в благоустроенной квартире в Канске, на гидролизном. Старуха его умерла. Решил он переселиться в село Бражное, ближе к Таптуну. Купили дом дяде Ване у реки, стоял он обособленно от улицы. На высоком фундаменте крепкая и тёплая изба, с четырёхскатной шиферной крышей. Выбор пал на эту усадьбу из-за крепких надворных построек для домашнего скота: есть катух для овец, коз, зимний свинарник, хлев тёплый для кобылы с жеребёнком.

Козла Гену купил дядя Ваня весной на пару с козой Зойкой. Белые, как снег, мастью, не старые для развода козлят. Коза была дойная. Молоко дядя Ваня любил, но корову держать в хозяйстве сил нет. Коза, решил он, самая подходящая для молока скотина. Поехали они с Таптуном в Канск на блошинный рынок, где в выходные дни торгуют живностью крестьяне из окрестных деревень. Козёл Гена сразу привлёк внимание Таптуна: хозяин прикурил сигарету и сунул козлу в зубы; козёл привычно зажал сигаретный фильтр передними, крупными и жёлтыми, как зёрна кукурузы, зубами и стал попыхивать дымом от сигареты, как заправский курильщик.

«А вон и коза», — заметил дядя Ваня привязанную к заднему бамперу «уазика» беленькую козу Зойку.

Не думали они покупать козла Гену, но хозяин упёрся и козу Зойку без козла не отдавал.

Коза Зойка оказалась с норовом, позволяла вымя выдоить только дяде Ване. Гнуться старику — доить на коленях козу дядя Ваня уже не мог. Построил он из сосновых досок «станок», куда заводил козу Зойку и ставил её там задом. Для дойки молока козье вымя удобно доступное между расставленных задних козих ног. В деревне дядя Ваня дал волю козлу Гене и козе Зойке. Днём старик выпускал и тёлочку во двор, кобыла вольно ходила

по ограде и огороду, куда на зиму завезли сена зарод. Одним курам-несушкам воли не было, в ноябре дядя Ваня отрубал курам головы и всю зиму ел куриные супы. Кобылу он тоже держал для рождения жеребят на мясо; тёлочка — на откорме, тоже на мясо. Продавал мёд, жил старик без нужды, имея пенсию фронтовика. Помогал дочери в Абакане, брату и племянникам. Но роднее всех всё же стал ему Валерий Семёнович Таптун.

В сумерках за рекой подал голос журавль. Кричал он надрывно, отчаянно как-то, тревожно до слёз и дрожи в душе.

— Это к дождю,— определил Таптун.

Ливень случится к рассвету. А пока держалось парное тепло, тихий, приглашенный свет вечерней зари тонул в кронах высоченных сосен над пасекой и жилыми вагончиками.

— Ужин готов,— напомнил старик Мавлютов.

Таптун стал наливать черпаком из казана борщ в алюминиевые чашки, я — относить эти чашки с борщом на стол в летнюю кухню. Мавлютов ушёл к себе в вагончик, вернулся он с неполной бутылкой самогона, настоящего на прополисе. Таптун налил в своём вагончике литровую кружку медовухи. Друг он мой давний и любимый, знает, что крепкий самогон на прополисе пить не стану, уважил медовухой. В этот приезд я привёз и подарил Таптуну гармонь-хромку Шуйского горпромкомбината. Дома у меня собрались в добрый час три гармошки. Одну решил подарить другу. Пасека Таптуна без гармошки — это не пасека. И он это знал, и мы тянулись на пасеку к Таптуну отогреть душу русскими песнями под гармонь.

В сумерках откричал уже и журавль, когда в бору услышался звук мотора. На пасеках держат собак редко на привязи. Сука Муха жила при пасеке уже четыре года. Белая шерстью, без помарки, умная сука не залаяла на «Ниву», идущую к пасеке по лесной дороге между сосен.

— Кто-то из своих, раз Муха не лает,— сделал вывод Таптун.

Мы уже выпили и закусили борщом и копчёным салом. Поднялись от стола и вышли встречать позднего гостя.

«Ниву» Валеры Короля с другой не перепутаешь. Удлиненная рама, с двумя дверцами, новая машина тёмно-зелёного цвета «соchi», в районе чуть ли не единственная такая. Народ покупает дорогие иномарки, годные лишь для асфальта. Король служит инспектором рыбнадзора в Тафаларском заказнике. Перевалочная база заказника — в селе Ашкаул. Там и «Бураны», и катера, склады с имуществом. Крутой год Король с сыном Сергеем хозяйничают на этой базе. Заказник в верховьях Агула в Саянах

охраняется егерями из Иркутской области. Хозяйственной базой Тафаларского заказника в Ашкауле заведует Сергей Король, а батя — у него в подчинении. Сергею двадцать восемь лет, окончил пединститут, успел поработать инструктором на станции юных техников. Механик от Бога, Серёга пришёл работать к отцу в заказник егерем. Теперь — начальник своему отцу, Валере Королю. Сергей ныне завершает учёбу в Иркутском сельскохозяйственном институте, факультет охотоведов. Короля мы не ждали в такое время, знали: вчера он ещё был в верховьях Агула, на озере Медвежьем. Король благодарен Таптуну по гроб жизни. За помощь в лихие девяностые, когда Таптун взял Короля на работу в «Агроэнерго» токарем. Там и появилась возможность клепать из моторных лодок водомёты. Механик-самородок. Между собой мы зовём Короля Кулибиным. Для меня Валера Король ещё и земляк по Колыме. Родился и вырос Король в Сусумане Магаданской области, оттуда родом и его жена Люда. Король — ныне заслуженно уважаемый и известный людям реки. А в те далёкие лихие годы «перестройки» он перебивался случайными калымами, держал в пригороде корову, приехал косить сено на пасеку к дяде Ване. Там они и встретились с Таптуном. Таптун, сам талантливейший человек, влёт определил в Короле человека, у которого голова и руки на месте. А токарь на производстве был нужен.

Муха кинулась лапами на грудь Короля. Обняли по очереди друга и мы. В Канске у Короля два гаражных тёплых бокса, это его мастерские. Король поставил там немецкий самогонный аппарат и выгонял из браги по своему рецепту отменной очистки самогон. Много народу нынче занимается самогонварением. Вынудила к этому даже не дороговизна водки, а её «палёность», частые отравления людей от «палёнки», а на пасеке без медовухи и «прополисной» самогонки никто не живёт летом. Король снабжал друзей. Мне он всегда говорит при встрече и по телефону: «Не теряйся, Николаич, ты нам нужен».

Король принёс к столу агульского тёмного хариуса, бутылку самогона на прополисе. Любит Король гармонь. Но пока до гармошки не дозрели, захлёбываясь от восторга, Король рассказал, как он управлял частным гидросамолётом, когда его вывозил с озера Медвежьего его друг, пилот «Боинга», у которого целая коллекция самолётов на частном аэродроме под Красноярском. Весь день и вечер до приезда Короля рядом, по соседству, стучал немецкий движок. Адмирал до позднего часа качал мёд медогонкой с электроприводом в специальном для этого вагончике. У Владимира Петровича Лебедева большая пасека, забот выше крыши, но и отдача добрая от пчёл. И каждый раз, бывая на больших пасеках, на ум

приходит каторжный труд старателей на золотодобыче. Заработает старатель пятьсот тысяч за промывочный сезон, дорога на материк с Колымы обходится туда и обратно в сотню тысяч. На пасеке числом за пятьдесят колодок, занимаясь любимым делом, рядом с семьёй, пасечник получает мёду на миллион рублей. Мёд всегда востребован. Адмирал прекратил качать мёд, собрался ехать в Бражное на грузовом «жигулёнке»-головастике, не отъехал, пришёл поздороваться с Королем, увёл его к себе в вагончик. Вернулся Король с трёхлитровой банкой мёду, поставил банку в «Ниву».

Помянули добрым словом дядю Ваню, доктора Владимира Николаевича Парфёнова, который долгие годы держал у дяди Вани свои пару ульев, бывал на пасеке. Построил Таптун и баню с парилкой на пасеке у дяди Вани. И при яркой полной луне сидели мужики ночью в августе возле бани, распаренные, на брёвнышке, рядом с кипрейным полем. Пели под гармонь сибирские мужики песни, расслаблялись медовухой. Прошло двадцать лет, годы и время смяли и дядю Ваню, и Парфёнова. Земля им пухом — выпили молча.

Курящего козла Гену я не видел. Не так часто мы общались с Таптуном последние десять лет. Дядя Ваня, больной диабетом, лишился ног. Дом в селе Бражное пришлось продать вместе с хозяйством. Дядя Ваня вернулся в Канск, в свою однокомнатную квартиру на гидролизном. Таптун купил для него кресло-каталку, помогал выживать как мог, но дядя Ваня начал пить. Пенсия у фронтовика была высокая, пьющая соседка носила ему водку, сама с ним пила. Доктор Парфёнов к семидесяти пяти годам умом стал простоват. Пил он всю жизнь много и постоянно. Встречая иногда Парфёнова в городе, я всегда давал ему сто рублей, он и выбегал к площади Коростелёва в поисках денег на похмельку. Но двадцать лет назад, когда не верилось, что гибнет СССР, мы были сильными, у каждого по сорок пять лет жизни за плечами. И какой жизни! Замечательной. Таптун имел два высших образования. Меня в тридцать восемь лет приняли в Союз писателей СССР, ещё студентом третьего курса в Литературном институте. В те годы я жил и работал в Якутии, на Индигирке. Парфёнов был известным терапевтом, которому доверяли люди. Валера Король прибилсь в нашу компанию. И года не прошло — сделал по своим чертежам первый водомёт с «волговским» двигателем. И мы, кого смерть не забрала, храним дружбу четверть века.

— Семёныч! Расскажи про курящего козла, — смеётся Валера Король.

Козла этого он видел, давал ему и покурить.

— Не поверишь, Николаевич, — повернулся ко мне Таптун. — Козёл настолько обнаглел, что стал наводить свои

порядки на усадьбе у дяди Вани. То тёлочку отожмёт к забору, угрожая рогами, то кобылу в огород загонит. На Зойкин «станок» для дойки запрыгнет, шею дугой выгнет, рога выставит, глаза у козла кровью наливаются: мол, я здесь хозяин. А борода у козла Гены как у старика Хоттабыча была. Умора. К тому времени уже и пара козлят от козла Гены у козы Зойки на дворе росли. Баловали козла Гену. Пока дядя Ваня не видит, давали ему сигарету курить, — смеётся Таптун. — И ведь курил козёл, как заправский мужик. Одного дядю Ваню козёл Гена и боялся.

В те далёкие годы Таптун постоянно ездил на казённых «Жигулях». Эта «копейка» фиолетовой окраски числилась за предприятием «Агроэнерго». В грязь Таптун заводил для поездки на пасеку свою личную белую «Ниву».

Таптун сочно рассказал о «смотрящем» и курящем козле. Однажды дядя Ваня поменял гнедую кобылу на молодого белого жеребца. Не объезженный ещё жеребец-двухлеток. Дядя Ваня планировал сдать жеребца на Канский мясокомбинат. Бартером на колбасу. Да и время такое было, что зарплату людям выдавали унитазами и иной «производственной продукцией». Жеребец признал главным дядю Ваню. Но изумился наглости козла Гены, который стал наступать, угрожая острыми рогами вспороть брюхо жеребцу. Жеребец хватил козла Гену зубами за загривок да как мотнёт его в броске к забору, что козёл Гена весь гонор потерял, вскочил и прыжками — в огород, к зароду сена. Тёлочка уже подросла, видела расправу над козлом Геной, тоже норов проявила — пошла грудью на козла «смотрящего». Тот рысью сорвался — и к своей козе Зойке с козлятами. Коза Зойка своего козла-деспота тоже усмирила. Присмирел с тех пор козёл Гена. Мы приедем к дяде Ване — козёл Гена покурит с нами.

— Так вот и проходит земная слава! — подвёл черту под рассказом Таптун.

Он видел эту сцену с жеребцом и козлом Геной.

До гармошки руки всё-таки дошли. Удивительной нежности звуки — две с половиной октавы — в умелых руках Таптуна не позволили нам и рот открыть. Сама музыка звучала грустной и душевной песней. Рождалась эта музыка и лилась из души человека, рождалась талантом гармониста и гармонью! И не было желания нарушать этот божественный звук фронтальной хромки, звучащей в сумерках над Каном.